

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

О ТРАНСЛИТЕРАЦИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

(По поводу статьи Л. С. Карума*)

Устанавливая правила единой транслитерации русских имен, фамилий и географических названий латинскими буквами, Академия наук СССР, безусловно, имела в виду дать для надобностей международного научного обмена, для составления научных библиографий, международных научных каталогов твердую систему, и эта система, действительно, применяется уже в ряде стран. Для примера мы можем сослаться на «Библиографию немецких переводов с языков народов Советского Союза и стран народной демократии», издаваемую с 1952 г. регулярными выпусками Публичной научной библиотекой в Берлине при содействии Общества германо-советской дружбы и с участием Центрального бюро научной литературы¹. На указанной «Библиографии» мы хотим остановиться подробнее, так как она показывает и возможности, и границы применения единой транскрипции, о которой идет речь в статье Л. С. Карума.

В предварительных замечаниях к каждому выпуску «Библиографии» имеется специальный раздел, посвященный вопросам транскрипции. Вот что, в частности, сказано в этом разделе выпусков 1953 г.: «Для транскрипции мы пользуемся принятой в научных библиотеках схемой транскрипции. Таким образом обеспечивается безукоризненная систематичность и возможность абсолютно правильной ретранслитерации для нахождения оригинальной литературы. По этой схеме транскрибируются важные для расположения заглавий формы имен и фамилий, оригинальные названия советских журналов.

Фамилии авторов переведенных книг в транскрипции по системе Дудена-Штейница приводятся в круглых скобках вслед за их библиотечной транскрипцией. В списке авторов всегда приводятся обе формы, так что в любом случае можно найти искомую фамилию...» (см., например, Heft 6, стр. 7).

Здесь, следовательно, дается высокая оценка системе единой транслитерации русских собственных имен (и вообще русских слов), выработанной советскими учеными, как обеспечивающей «безукоризненную систематичность» и дающей «возможность абсолютно правильной ретранслитерации» в научной практике.

Возьмем для примера одно из приводимых в «Библиографии» названий (книга вышла в том же издательстве, которое выпускает «Библиографию»): «*58. Stepanov, N. (Stepanow N. L.): Alexander Radistschew (Žizn' i tvor. estvo A. N. Radisčeva). Leben und Werk. (1749 bis 1802.)... (Berlin): Verl. Kultur u. Fortschritt. 1952...»². Мы видим, что в «Библиографии» точно выдерживается система транскрипции, утвержденная Академией наук СССР.

Но вне пределов научной библиографии издательства Германской Демократической Республики не применяют системы транслитерации русских букв, установленной АН СССР и воспринятой научными библиотеками, а пользуются иной транскрипцией — системой Дудена-Штейница. Не лишним будет привести здесь предварительное замечание составителей последнего, полностью переработанного издания нормативного словаря Дудена по поводу транслитерации русских слов:

* Л. С. Карум, О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий, «Вопросы языкознания», 1953, № 6.

¹ Bibliographie deutscher Übersetzungen aus den Sprachen der Völker der Sowjetunion und der Länder der Volksdemokratie. Mit Unterstützung der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft. Herausgegeben von der Öffentlichen Wissenschaftlichen Bibliothek Berlin. Unter Mitarbeit der Zentralstelle für wissenschaftliche Literatur. Verlag Kultur und Fortschritt. Berlin.

² «Bibliographie deutscher Übersetzungen...», 1953, Heft 5, стр. 16.

«Русские слова, в особенности русские имена, для читателя не знающего русского алфавита, должны быть „переписаны“. Наиболее точно это можно сделать с помощью научной международно-фонетической транскрипции. Но эта транскрипция трудно читается, и только языковеду она приносит действительную пользу. Поэтому понятны стремления передавать русские буквы с помощью принятых у нас обозначений...

Существовавший до сих пор разноречивый в немецкой транскрипции русских слов, в особенности русских имен, является пережитком оставшегося позади времени нашей культурной изолированности. Этот разноречивый мешает культурному обмену, и преодоление его является культурно-политической необходимостью. Начиная с 1945 г. много сделано для создания единой, всем понятной транскрипции русских слов. Разработанная лингвистом проф. В. Штейнницем (W. Steinitz) транскрипционная таблица нашла всеобщее одобрение и в новейшем своем варианте (1950 г.) объявлена Министерством народного просвещения Германской Демократической Республики обязательной для школ, государственных организаций и учреждений. По принципам этой транскрипционной таблицы и транскрибированы русские имена и слова в этом издании Дудена»³.

В соответствии с этими общими правилами транслитерации *ч* передается через *tsch*, *ш* через *sch* и *ц* через *stsch*.

Таким образом, практика ГДР показывает, что транслитерационная схема, предусматривающая внедрение новых знаков в немецкий алфавит, применяется только научными библиотеками, исключительно в целях правильной каталогизации, а не в общей печати, не газетами и книжными издательствами, для которых объявлена обязательной система транслитерации Дудена-Штейница. Утверждая эту систему, Министерство народного просвещения ГДР исходило, как показывает вышеприведенная выдержка, из цели создания «единой, всем понятной» транслитерации, основанной на стремлении «передавать русские буквы с помощью принятых у нас обозначений», т. е. исключительно буквами немецкой латиницы.

Стремление транслитерировать слова иностранного языка, не пользующегося алфавитом транслитерирующего языка, без прибавления новых знаков к собственному алфавиту свойственно всем письменным языкам. Это стремление проявляется, в частности, в русском языке, в котором не введены для передачи немецких умлаутов *ö* и *ü*, английского *th* или грузинских буквенных эквивалентов абрутивных согласных типа *k'* никакие дополнительные знаки. Идти по пути расширения национального алфавита русский язык практически и не мог, поскольку для передачи имен каждого языка, не пользующегося кириллицей, пришлось бы ввести соответственно новые знаки.

Еще Ломоносов в «Российской грамматике» резонно замечал, что «для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною понимаемся» и что «ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую»⁴.

Более того, не только латинизирующие языки, но и языки, пользующиеся кириллицей, также меняют правописание русских, украинских, белорусских, болгарских или сербских слов соответственно своим потребностям. Известно, что, например, *и* в русских именах (*Щедрин*) в украинском варианте превращается в *і* (*Щедрін*) или что в болгарском написании русские фамилии, оканчивающиеся на *-ский*, теряют *й*. Но никто еще не усматривал «неравноправного положения русского языка» в том, что русские фамилии транслитерируются на болгарском иначе, чем на украинском языке. Почему же Л. С. Карум выступает с такой претензией к латинизирующим языкам?

Потому, пишет автор, что эти языки в отношении остальных латинизирующих «сохраняют в своей печати для иностранных собственных имен и географических названий орфографию того языка, который является для носителей этих имен и названий родным».

На это следует ответить (по отношению к общей и к большей части специальной, научной литературы), что латинизирующие языки далеко не абсолютно придерживаются того, что Л. С. Карум называет «национально-орфографическим принципом», а придерживаются его, как правило, лишь постольку, поскольку это не требует включения новых знаков в свой, национальный алфавит.

В немецкой печати обычно не воспроизводится, например, чешское *š*, а пишется *Tschechoslowakei*, или чешское *š*, а пишется *Benesch*; вместо хорватского *đ*, как правило, тоже пишется *tsch*; чешское *ř* воспроизводится своими немецкими буквами, как и польское *ř* или *ę*. То же самое относится к соответствующим буквам испанского или португальского языков в немецком контексте. В английской специальной печати поступают таким же образом. Только в научной литературе на этих языках воспро-

³ D u d e n, Rechtschreibung mit Berücksichtigung der häufigsten Fremdwörter. Vollständig neu bearbeitete Ausgabe, Leipzig, 1953, стр. 54—55.

⁴ М. В. Ломоносов, Полное собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 422.

изводят более или менее точно написание данной фамилии, если в нем встречаются буквы, не свойственные алфавиту цитирующего языка.

Действительно, по-немецки пишут *Shakespeare*, или *Voltaire*, или *Mascagni*, или *Clairvaux*, по-английски пишут *Goethe*, *Hamburg* или *Brahms*, т. е. сохраняют, в силу вековой традиции, оригинальное написание, хотя такие имена, будучи произнесены лицом иной национальности, чем носитель данной фамилии, и не знающим соответствующего языка, искажаются, а нередко и просто не могут быть прочтены. Вместо *Маскagni* немец, не знающий итальянского языка, прочтет *Маскаgni*, вместо *Голсуорси* не знающий английского языка прочтет *Гальсворти* и т. п. Л. С. Карум сам приходит к «любопытному выводу», что «вполне правильно произносить собственные имена на любом из европейских языков, пользующихся латиницей, будет лишь тот, кто владеет правилами произношения любого языка»⁵, т. е. никто. Спрашивается, в чем же заключается «преимущество», которым, по мнению Л. С. Карума, латинизирующие языки пользуются в отношении друг друга перед русским языком, почему русские имена выиграли бы и стали бы «равноправными» оттого, что их тоже начали бы коверкать так, как, к примеру, английские имена ныне коверкаются при произношении их на итальянском языке или французские на немецком? Надуманному принципу орфографического «равноправия» было бы принесено в жертву несомненное преимущество, которым ныне пользуются русские собственные имена перед именами, написанными в оригинале латиницей, — преимущество при различной графической передаче быть более или менее правильно произнесенными на любом из латинизирующих языков! *Shishedin* английский рабочий произнесет правильно, а если бы он увидел *Šchedrin*, он был бы просто в недоумении. *Touichev* французский читатель журнала «Новое время» прочтет как *Туйшев*, т. е. верно, а *Tuisev* (как хотел бы видеть эту фамилию напечатанной во французском издании журнала «Новое время» Л. С. Карум) он произнес бы как *Тюисев*.

Допустим, что, несмотря на все это, советские издательства решились бы «внедрить» знаки специальной научной транслитерации в общие иноязычные алфавиты. Но как смогли бы они тогда донести их значение до массового читателя за границей, учитывая малый удельный вес литературы, издаваемой в СССР, например, на английском или немецком языках, по отношению ко всей массе книг и журналов, выходящих на данном языке?

Вот те практические доводы, которые заставляют нас считать правильным предложение Л. С. Карума лишь по отношению к международной научной каталогизации и другим специальным целям (где транслитерация, утвержденная АН СССР, частично уже применяется), но неправильным по отношению к общей литературе, предназначенной для широкой читательской массы латинизирующих стран. В таком объеме предложение Л. С. Карума несомненно еще по одному весьма важному соображению.

Когда в каком-либо определенном языковом контексте приводится иностранное собственное имя, то происходит явление, родственное обычному заимствованию иноязычного слова. В этом случае, как нам известно, «хозяином» заимствования является язык заимствующий: он подчиняет новое слово, в данном случае имя собственное, своей грамматике (например, склоняет его по своим правилам) и решает его орфографическую судьбу. Дело происходит вовсе не так, что язык, слова которого перенимаются в иноязычную лексическую среду, ставит заимствующему языку определенные условия, на которых он «отпускает» ему свои слова, например, условие ввода в алфавит новых букв. Между тем Л. С. Карум выставляет по отношению к общей печати требование обязательного перехода на единую транслитерацию русских имен, да еще таким тоном: «Все народы должны так же привыкнуть к ней, как привыкли к национальным буквенным особенностям других латинизирующих языков» (?—ГШ.). И далее: «...транслитерационное правописание должно быть общеизвестно, международно признано и должно применяться в любом языке... И только эта единая транслитерация должна иметь место во всех учебниках и в иной литературе, издаваемой на иностранных латинизирующих языках...»⁶ Должны, должна, должно... Такой административный пыл говорит о непродуманности предложения Л. С. Карума и вместо желаемой автором пользы может принести только вред.

Как транслитерировать русские имена на английском, французском, китайском и любом другом языке — это должно быть решено в соответствующей стране, так же как вопросы транслитерации китайских, английских, французских, греческих слов на русском языке разрешаются у нас в Советском Союзе.

Конечно, советы здесь возможны и нужны. Наверно, лингвисты ГДР прислушались бы к предложениям по улучшению транслитерационной системы Дудена Штейнха, нуждающейся в усовершенствовании, так как она не учитывает различий между русскими *з* и *с*, не полностью разрешает вопрос о передаче русского *е*. Наши

⁵ Л. С. Карум, указ. соч., стр. 103.

⁶ Там же, стр. 104, 105.

языковеды смогли бы внести ценные предложения по устранению существующего разноречия в транслитерации русских собственных имен на английском, французском и испанском языках. Но все эти советы окажутся ценными лишь тогда, когда они будут даваться на основе учета принятых на данных языках основных тенденций транслитерации и не потребуют от них ввода новых знаков в общий алфавит.

Переход на единую транслитерацию, предложенный Л. С. Карумом, с сознательным отказом от основных правил транслитерации, принятых в стране, для трудящихся которой в СССР выпускаются журналы и книги, привел бы к тому, что затруднилось бы понимание нашей литературы иностранными рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией, до которых мы хотим донести сокровища передовой советской культуры, которым мы помогаем своей литературой в борьбе за мир.

Вопрос по каким соображениям предложение Л. С. Карума не может быть принято в практике наших издательств, выпускающих литературу на иностранных языках (за исключением библиографической). Поэтому же глубоко ошибочно и выражение «орфографическое приспособленчество», примененное Л. С. Карумом по отношению к практике критикуемых им издательств.

Г. В. Шнитке